

- просодики. Л., 1981, где см. подробный разбор ряда хеттских параллелей к албанским словам, используемым Э. Хэмпом.
- ²¹ См.: *Mann Dict.*, 133; *Buchholz O., Fiedler W., Uhlisch G. Wörterbuch Albanisch-Deutsch.* Leipzig, 1977, 163.
- ²² Подробно об этом префиксе см.: *Ххирани А., Çabej E. Parashitesat e gjuhës shqipe.* — *Buletin i universitetit shtetëror të Tiranës. Seria shkencat shoqërore,* 1957, № 4.
- ²³ См.: *Schwyzler E. Griechische Grammatik auf der Grundlage von Karl Brugmanns Griechischer Grammatik.* München, I, 1939, 651 (исключения типа *ékadεζόμην* '(я) сел', имперфекта от *καδέζομαι* '(я) сажусь' безусловно являются вторичными и поздними). Об аугменте в индоиранском см.: *Барроу Т. Санскрит.* М., 1976, 283—284; *Reichelt H. Awestisches Elementarbuch.* Heidelberg, 1909, 93—94. Данные армянского языка, в силу действующих в нем правил функционирования аугмента, в интересующем нас плане непоказательны.
- ²⁴ Помимо известных примеров обращает на себя внимание фриг. *ΕΝΕΡΑΚΚΕΣ* с не ясным до конца значением, в котором предполагается как раз последовательность префикса *en и аугмента, см. *Нерознак В. П. Палеобалканские языки.* М., 1978, 99. Альтернативные (и, в целом, не менее правдоподобные) объяснения М. Лежеца и О. Хааса см. там же.
- ²⁵ Роль супплетивизма в этом глаголе напоминает аналогичные отношения арм. *utem* '(я) ем' — *eker* '(я) ел', о чем см.: *Pisani Saggi*, 110; вслед за ним: *Иванов В. В. Архаизмы в глагольных флексиях древнебалканских и албанского языков.* — В кн.: *Balkanica.* . . , 59.
- ²⁶ См.: *Конечкая В. П. Супплетивизм в германских языках.* М., 1973, 55. Об аналогичных процессах в германском глаголе бытия см. Сравнительная грамматика германских языков. М., IV, 1966, 421—423.
- ²⁷ См.: *Cimochowski W. Recherches sur l'histoire de sandhi dans la langue albanaise.* — LP II, 1950, 220—255.
- ²⁸ *Mann S. E. The Indo-European Consonants in Albanian.* — *Language*, XXVIII, 1952, 32.

Г. А. Климов

ЕЩЕ ОДНА ИНДОЕВРОПЕЙСКО-СЕМИТСКО-КАРТВЕЛЬСКАЯ ЛЕКСИЧЕСКАЯ ПАРАЛЛЕЛЬ

Не будет, вероятно, преувеличением сказать, что поиски индоевропейско-семитско-картвельских лексических параллелизмов, обусловленных ареальным взаимодействием древних представителей этих языковых семей в Передней Азии, превратились в последние два десятилетия в одно из интереснейших направлений сравнительного исследования, значение которого обещает выйти далеко за пределы языкознания. В ряде работ были уже отмечены картвельские соответствия индоевропейским и семитским обозначениям таких реалий и понятий, как 'вино', 'канал', 'ярмо', 'серебро', 'жертвоприношение', 'лев', 'запирать' > 'ключ', 'шесть', 'семь' и др. В настоящей заметке обращается внимание еще на одну подобную параллель, отражающую культурные контакты носителей этих языков в древности, констатация которой была по существу уже давно подготовлена сопоставлениями, предлагавшимися в рамках соответствующих отраслевых литератур.

Как известно, еще с именем Н. Я. Марра связано обнаружение

общей для всех картвельских языков лексема со значением 'сумка, бурдюк (для продуктов и жидкостей)': ср. груз., мегрел., лазск. *guda* при сванск. *gudra*, последнее из которых переводилось им как 'кожаный мешок'¹. Это слово хорошо засвидетельствовано уже в древнегрузинских литературных памятниках, неоднократно встречаясь здесь в значении 'сума (дорожная), бурдюк (для жидкостей)'. Ср., например, его употребление, в частности, в переводах библейских текстов: *puca guda moigot!* 'не берите с собой сумы!' МФ 10¹⁰; *štadva igi orta gudata* 'положил (он) его в две сумы' Царей 5₂₃². В толковом словаре Сулхана Саба Орбелиани оно объясняется как обозначение кожаного вместилища и приводится старое производное от него *sagudal-i* 'предназначенное для сумы, бурдюка'³.

Обозначаемая лексемой реалия по сей день весьма характерна для Закавказья (а также Северного Кавказа), где она продолжает использоваться в своих традиционных функциях (ср. груз. *γviniš guda*, лазск. *γiniš guda* 'винный бурдюк', груз. *gudis qveli*, мегрел. *gudaš 'vali* 'сыр из бурдюка'). Она очень хорошо известна произведениям картвельского фольклора, например, грузинским и мегрельским сказкам. Эти обстоятельства внушают мысль о ее принадлежности к числу характерных атрибутов древней культуры картвелов, что и отмечалось в ряде специальных работ⁴. Соответствующим образом рассматривается в лексикологических исследованиях по картвельским языкам и сама лексема⁵. Так, есть основания полагать, что ее употребление восходит еще к грузинско-занскому хронологическому уровню. Что же касается ее сванской разновидности, то здесь слово, по всей вероятности, уже усвоено из других картвельских языков в несколько более позднее время. На это указывает, в частности, нехарактерное для фонетического облика общекартвельских лексем сохранение вокализма *a* в исходе его основы; в то же время вставка *r* обязана здесь, по-видимому, подключению слова в единый ряд с широкой группой сванских субстантивов с деривационным суф. *-ra* (ср. сванск. *zez-ra* 'мешок', *zek-ra* 'сруб', *kap-ra* 'челюсти' и т. д.).

Вместе с тем рассматриваемое слово стоит в картвельском корне-слове по существу изолированно: при отсутствии у него картвельской этимологии оно ложится в основу только небольшой группы производных (ср. диминутивное *guduna* 'бурдючок', диалектное *guda-pšuka* 'род гриба'). Любопытно и то, что большинство из числа его грузинских синонимов (ср., например, *tik-i* и *rumb-i*) оказываются заимствованиями и лишь *txier-i* — собственное производное от *txa-* 'коза'⁶. Очень широкое распространение различных разновидностей самой реалии не только на Кавказе, но и на всем Ближнем Востоке, а также в обширном ареале южной Европы (особенно — Балканы, Италия, Испания), позволяет предположить, что в картвельских языках лексема может быть достаточно древним культурным заимствованием.

Действительно, интересные с этой точки зрения аналогии картвельской лексеме обнаруживаются, с одной стороны, в индоевропейских языках и, с другой — в семитских.

На ее вероятные индоевропейские соответствия в лингвистической литературе уже неоднократно обращалось внимание⁷. При этом указывалось на продолжения индоевропейского **gudo-m* 'кишки, внутренности', представленные санскр. *guda-h* 'кишка, анус', др.-макед. *γoδa* 'кишки, внутренности', др.-н.-нем. *kūt* 'кишки, потроха' (Maughofer I, 339; Pokorny I, 393). Сюда, однако, не может быть отнесено арм. *gəḏak* (диал. *gudak*) 'шашка, вместилище', которое рассматривается в арменистической литературе в качестве средневекового заимствования из неясного источника (Ачарян I, 529—530), хотя оно, с другой стороны, обнаруживает закономерное фонетическое соотношение с рассматриваемыми картвельскими словами (ср. в этой связи арм. *dəṭak* 'курдюк' при груз. *duma* то же). Хотя континуанты приведенного архетипа прослеживаются лишь в трех ветвях индоевропейских языков, его исконность для общиндоевропейского состояния обычно не вызывает сомнений — он увязывается с индоевропейской глагольной базой **gū* : *geū* 'изгибаться, гнуться'. В частности, А. С. Мельничук рассматривает эти продолжения в качестве лексем, обнаруживающих древнейшие и необусловленные фонетическим положением отношения параллелизма *o* и *u* в однокорневых словах исторически засвидетельствованных языков⁸.

В пользу возможности сопоставления приведенных картвельских и индоевропейских фактов говорит и то обстоятельство, что промежуточные звенья в семантике слова прослеживаются в германских языках, где оно наряду со значениями 'кишки, потроха' имеет и значения 'сумка, кошелек'. Экстралингвистической предпосылкой реальности такого семантического чередования может служить широко известный факт изготовления определенных разновидностей бурдюков не из кожи, а из кишок скота (подобная практика и поныне сохраняется в некоторых регионах Ближнего Востока⁹).

Если приведенное сопоставление корректно, то соображения семантического плана подсказывают гипотезу о проникновении слова из индоевропейских языков в картвельские: если в первых — это прежде всего принадлежность номенклатуры частей тела, как будто обнаруживающая даже отглагольное происхождение, то в последних оно имеет лишь узкое специальное значение некоторой культурной реалии. Бросается в глаза и то обстоятельство, что подобно другому старому индоевропеизму картвельских языков *nusa-* 'невестка, сноха' и здесь историческая основа на *-o* оказалась преобразованной в основу на *-a*.

Не менее интересные семитские параллели рассматриваемому картвельскому слову были отмечены в одной из работ Й. Губшмида, считающего его древним восточным заимствованием. По его мнению, это слово едва ли возможно отделить от аккадского *gūdu*, а также арамейского *gowdā* 'бурдюк для воды'¹⁰. Наконец, предлагалось в литературе и прямое соположение соответствующего индоевропейского и семитского материала. В виду имеется приводимое Л. Бруннером сопоставление индоевропейского **gudo-m* 'кишки, внутренности' с обоими приведенными выше семитскими словами, которым оно, впрочем, трактуется как общее наследие в рамках поддержива-

емой автором гипотезы родства индоевропейских и семитских языков¹¹. Поскольку и в семитских языках соответствующая лексема характеризуется узкой функцией обозначения некоторой культурной реалии и, к тому же, неизвестна в их основном массиве, то и здесь естественно предполагать для нее индоевропейский источник (попытка найти дальнейшую параллель индоевропейскому слову в абхазско-адыгских языках¹² не убеждает ввиду возникающих фонетических трудностей; к тому же называемые при этом адыг. *ч/эт/ый* и абхаз. *а-кьатей* 'кишки', по-видимому, имеют адыгскую этимологию).

В заключение остается заметить, что рассмотренная здесь параллель может быть отнесена к единой системе древнепереднеазиатских обозначений реалий, непосредственно связанных с производством и обработкой винограда.

¹ *Marr N. Я.* Яфетические названия деревьев и растений (Pluralia tantum). 1. — Известия Академии наук, Пг., 1915, 773.

² *Абуладзе И. В.* Словарь древнегрузинского языка (материалы). Тбилиси, 1973, 98 (на груз. яз.).

³ *Сулхан Саба Орбелиани.* Произведения. IV₁. Тбилиси, 1965, 178 (на груз. яз.).

⁴ *Джавахишиани И. А.* Материалы по экономической истории Грузии. Тбилиси, 1964, 66 (на груз. яз.).

⁵ *Чикобава А. С.* Чанско-мегрельско-грузинский сравнительный словарь. Тбилиси, 1938, 93, 167 (на груз. яз.); *Климов Г. А.* Этимологический словарь картвельских языков. М., 1964, 66.

⁶ *Marr N. et Brière M.* La langue georgienne. Paris, 1931, 640; *Vogt H.* Рец. на кн.: *Bouda K.* Baskisch-kaukasische Etymologien. Heidelberg, 1949. — In: *Norsk Tidsskrift for Sprogvidenskap*, В. XVII, 1954, 546.

⁷ *Джауцян Г. Б.* Взаимоотношения индоевропейских, хурритско-урартских и кавказских языков. Ереван, 1967, 64; *Керкадзе И. К.* Зоологическая лексика в грузинском литературном языке. Тбилиси, 1974, 118 (на груз. яз.); *Климов Г. А.* Несколько картвельских индоевропейизмов. — В кн.: *Этимология*, 1979. М., 1981, 171.

⁸ *Мельничук А. С.* О генезисе индоевропейского вокализма. — ВЯ, 1979, № 5, 9; ср. также: *Перозмак В. П.* Палеобалканские языки. М., 1978, 172.

⁹ Ср. *Наумкин В. В., Порхомовский В. Я.* Очерки по этнолингвистике Сокогры. М., 1981, 17.

¹⁰ *Hubschmid J.* Schläuche und Fässer. Berlin, 1955, 132—133.

¹¹ *Brunner L.* Die gemeinsamen Wurzeln des semitischen und indogermanischen Wortschatzes. Versuch einer Etymologie. Bern und München, 1969, 153.

¹² *Кварция В. Е.* Животноводческая (пастушеская) лексика в абхазском языке. Сухуми, 1981, 120.

А. К. Шагиров

О ТЮРКИЗМАХ В АБХАЗО-АДЫГСКИХ ЯЗЫКАХ

Как известно, составитель этимологического словаря конкретного языка имеет дело не только с исконной лексикой, но и с материалом иноязычного происхождения. Этимолог стремится выделить этот материал и указать источники заимствований. И тут он нередко попадает под огонь критики, чаще всего устной, со стороны носителей родного языка. Последние, иногда даже языковеды-специалисты,